

УДК 008.00

© Н. А. Коноплева, 2011

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

Коноплева Н. А. – канд. культурологических наук, доцент кафедры «Психология и социальные технологии», зав. кафедрой «Сервис и мода», тел. 8-423-240-40-87, e-mail: Nina.Konopleva@vvsu.ru (ВГУЭС)

В статье анализируются научные подходы к социокультурной адаптации личности, обосновываются особенности адаптации творческой личности независимо от гендера, приводятся данные исследования гендерных особенностей адаптации субъекта творческой деятельности в сфере изобразительного творчества.

In the article the scientific approaches to social and cultural adaptation of personality are analyzed, the adaptation features of creative personality regardless of the gender are grounded. The author provides with the research data on gender features of adaptation of the creative activity subject in the sphere of performing arts.

Ключевые слова: гендер, адаптация, личность, творчество, субъект деятельности, культура

Социокультурная адаптация относится к тем процессам, которые содействуют удовлетворению потребности человека в самореализации сущностных сил, взаимообмену с другими людьми культурной деятельностью и ее продуктами [1], это многоуровневый процесс, в результате которого личность адаптируется в соответствующем социокультурном сообществе. При этом обеспечивается взаимодействие социальных общностей, любых социальноорганизованных субъектов с конкретно-историческим типом многоуровневой социокультурной среды, направленное на взаимное приспособление и взаимопривыкание к условиям и образу жизни взаимодействующих сторон, совместимость друг с другом, взаимопреобразование в соответствии с идеалами, потребностями, усвоенной системой норм и жизненных ценностей на основе обмена духовно-практической деятельностью. Внутренним источником – непосредственной причиной социокультурной адаптации является несоответствие устоявшихся, привычных форм и способов культурной деятельности субъекта новым его потребностям, вызванным изменениями в нем самом или в условиях жизнедеятельности. Внешнее по отношению к каждой из взаимодействующих сторон (в системе «адаптант – адаптирующая среда») противо-

речие возникает между культурными потребностями, интересами, ценностными ориентациями адаптантов и возможностями данной социокультурной среды удовлетворить эти потребности и интересы в требующихся объемах, темпах, сроках, формах, доступными способами и средствами.

Социокультурная адаптация обслуживает деятельность людей, но требует при этом интенсивного, энергичного использования культурного потенциала личности, ее способностей. Способности к адаптации группируются следующим образом: способность выделить непосредственную предметную и социальную среду как жизненное пространство, поле деятельности и самореализации; способность к рациональному познанию (значимых компонентов среды, собственного потенциала, соотношенного со средствами и результатами деятельности); способность к формированию ценностных рядов; способность к эмпирической деятельности (способность манипулировать объектами окружения для достижения цели) [2].

В рамках классических представлений об обществе и культуре как единой целостности концепция социализации однозначно предполагала предписанное освоение каждым членом общества культурно необходимых знаний и навыков для адаптации к соответствующей культуре. Современный взгляд на эти процессы изменился. Человек перестал рассматриваться только как социальное существо; равноправным стало признаваться и индивидуальное человеческое начало. Поиск индивидом своей культурной идентичности обуславливает его личностную многомерность. Объединившись вокруг новых культурных ценностей, такие личности могут путем «организованного» отклонения создавать в культуре параллельные социальные системы, и внутри них защищать себя как от претензий традиционных культурных ценностей и норм, так и от хаоса, экспериментировать с новыми социокультурными, поведенческими и деятельностными образцами. Основные объективные признаки социокультурной адаптации на уровне зрелой адаптированности: рост творческой активности; обогащение содержания и характера культурной деятельности; освоение достижений культурного прогресса; повышение культурно-технического и образовательного уровня в условиях данной среды; овладение культурными нормами, традициями и передовым социокультурным опытом данной среды. К работам, которые некоторым образом связаны с исследуемой нами гендерной проблематикой, можно отнести исследования В. В. Замай [3], Ю. А. Миславского [4], С. М. Малакуцкой [5], В. Ф. Луговой [6], Е. К. Завьяловой [7] и др. В. В. Замай [3] рассматривает самореализацию художника в контексте новых социальных возможностей, складывающихся в переходные периоды социально-экономического и культурного развития. Ю. А. Миславский [4] прослеживает дихотомию «творчество – дезадаптация» и отмечает, что она лежит в основе концепций активности как важнейшего механизма адаптации. В. Ф. Луговая отмечает, что в работах Д. Б. Богоявленской (1997 г.), В. Н. Дружинина (1993 г.), В. Т. Кудрявцева (1990 г.), Н. Е. Хазратовой креативность рассматривается как неадаптивная продуктивная активность.

Основные алгоритмы нашего исследования обусловлены отсутствием научных работ, касающихся анализа особенностей адаптации личности в сфере изобразительного творчества вообще, в гендерном контексте в частности. При этом объектом исследования выступает субъект творческой деятельности. Предмет исследования – гендерные основания «человека творческого» в культуре.

Для понимания особенностей адаптации творческой личности имеют значение позиции теоретиков по социокультурной адаптации как процессе и результате встречного взаимодействия активного субъекта и социокультурной среды (А. А. Налчаджян, Л. Филипс, Р. К. Мертон и др.) [8, 9]. В частности, в подходе Л. Филипса адаптация и адаптированность предполагают активность индивида при встрече с изменившимися и потенциально опасными условиями. Причем следует понимать, что достаточно часто творческая личность хоть и является социализированной, может быть дезадаптированной (А. А. Налчаджян, М. В. Ромм) [8, 10]. Подобная ситуация, по нашему мнению, чаще отличает мужчину-творца, характеризующегося онтогенетической устойчивостью, а, значит, меньшими, по сравнению с женщинами, возможностями для изменения поведения с учетом требований общества и культуры [11].

При этом под дезадаптированностью творческой личности нами понимается ее неспособность адаптироваться к собственным потребностям и притязаниям, а также неспособность удовлетворительно идти навстречу тем требованиям и ожиданиям, которые предъявляют к ней социокультурная среда. В свете всего вышеизложенного возникает закономерный вопрос: какой же вид или способ адаптации будет наиболее эффективным для творческой личности и будет способствовать ее успешной адаптированности в культуре? В контексте нашего исследования важна классификация видов адаптации, предложенная А. А. Налчаджяном и И. Б. Дермановой [8, 13], которые выделяют виды адаптации: через приспособление к существующим обстоятельствам путем вхождения в среду, изменения себя; через преобразование среды; через самоустранение или уход из среды. Если человек не соответствует культурным ценностям и морально-нравственным принципам, то его считают аутсайдером и даже «умалишенным» [11]. Вместе с тем для нашего исследования важным представляется способность личности в процессе адаптации к среде не только сохранять, но и развивать свою индивидуальность (концепция самоактуализации А. Маслоу, концепция актуализирующей тенденции К. Роджерса и др.). В подобной адаптации теоретики выделяют два типа: неконформистскую и новаторскую (инновационную, творческую). При неконформистской адаптации личность преодолевает проблемную ситуацию необычными для членов группы способами и путями, и, вследствие этого, оказывается в конфликтных отношениях с нормами и ценностями группы (девиантная адаптация). Новаторская (творческая) адаптация сопровождается созданием новых способов разрешения проблемных ситуаций, в результате которых появляются новые ценности и осуществляются нововведения в те или

иные области культуры [11, 12]. Адаптация, осуществляющаяся путем самоустранения или ухода из среды, может использоваться личностью в том случае, когда другие типы адаптации невозможно использовать в связи с отсутствием в данный момент условий для преобразования среды, возможности принять ценности окружения как свои, изменить или покорить окружающий мир.

Кроме вышеперечисленных способов адаптации А. А. Налчаджян [8] выделяет патологическую адаптацию, осуществляемую с помощью патологических защитных механизмов и форм поведения и приводящую к появлению у творческой личности разнообразных акцентуаций характера, невротических и психотических синдромов. Я. И. Гилинский рассматривает творческую деятельность как уклонение от норм [14]. Говоря об эволюции творчества, он постулирует, что «совершенствование адаптационных возможностей человеческого рода и способа существования общества осуществляется в ходе своеобразного отбора, выполняющего две функции: движущую (обеспечение развития) и стабилизирующую (обеспечение сохранения). Движущая форма отбора обеспечивается деятельностью, нарушающей существующие нормы... Творчество и есть тот ряд положительных отклонений (девиаций), который обеспечивает развитие общественной системы» [14]. В свою очередь И. Б. Дерманова отмечает, что для адаптации творческих людей более важны мотивационная и эмоционально-волевая сфера, а не когнитивные характеристики [13]. По ее мнению, деятельностью творческого человека и его желанием изменить окружающую среду движет мотив стремления к превосходству над себе подобными. Мы не можем согласиться с этим мнением И. Б. Дермановой, так как выводы исследователя значительно упрощают подходы к пониманию проблемы адаптации творческой личности с одной стороны, а с другой, – противоречат исследованиям, обосновывающим, что мотив достижения творческой личности не характерен (М. Волах, Н. Коган, Д. Б. Богоявленская) [15], основополагающий мотив деятельности творческой личности – это стремление к самосовершенствованию.

Подводя итог рассмотренным выше видам адаптации, необходимо отметить, что творческие личности не могут адаптироваться путем простого приспособления к среде, поскольку абсолютное приспособление приводит к резкому сужению возможностей самореализации. Творческий человек – это новатор, склонный к преобразованию действительности. Большая эмоциональная «нагруженность» художника жизненными впечатлениями приводит к тому, что в его сознании рождается масса художественных образов, которые с необходимостью требуют своего выражения в красках, звуках, рифмах стиха, движениях танца. И если этого не происходит, то служитель муз становится буквально больным человеком [16]. Творческую личность отличают нестандартное мышление; талант предвиденья; богатство фантазии и интуиции; способность разрешать тупиковые ситуации в тех случаях, когда они не имеют логического решения – оригинальным путем [17]. Они хорошо чувствуют потребности общественного развития [18]. На творчество особое

влияние оказывает способность проявлять яркую фантазию, подходить к проблеме с разных точек зрения, порой взаимоисключающих друг друга, подвергать сомнению то, что для многих кажется очевидным. Подобные черты творческой личности делают ее не очень уживчивой с другими людьми, что вызывает у них недоброжелательное отношение к ней. Творцу приходится иметь много мужества для того, чтобы следовать своему жизненному пути, отстаивать свои принципы, понимая, что его новаторские идеи могут быть не приняты широкой публикой. Часто это приводит творческого человека к самоизоляции от научного или художественного сообщества [19].

Анализируя особенности адаптации творческой личности в современной российской культуре, мы отметили: существенное влияние на процесс и результат социокультурной адаптации каждого гендера оказывают гендерные стереотипы, бытующие в культуре, непосредственно отражающиеся на гендерной социализации и адаптации. Так, от женщин ждут мягкости и компромиссности, которые они переносят и на рабочие отношения; и наоборот, мужчины должны быть авторитарными, бескомпромиссными, стремящимися к соревновательному поведению [20].

По мнению Т. А. Репиной, женщина генетически более консервативна, более осторожна, избегает риска, многократно перестраховывается, прежде чем что-либо предпринять. Мужчина же обладает повышенной генетической изменчивостью. Готов рисковать собой ради возможности существования вида. Он познает мир, не боясь риска, путем проб и ошибок [21]. Если опираться на теорию В. А. Геодакяна [22], обосновывающего эволюционную логику дифференциации полов, то понятно, что Т. А. Репина учитывает лишь одну составляющую этой дифференциации – филогенетическую, забывая о том, что в онтогенезе половая дифференциация проявляется прямо противоположными характеристиками – изменчивостью, приспособляемостью женского пола и устойчивостью – мужского. Кроме того, следует учитывать, что существующая социокультурная и психологическая дифференциация по половому признаку является отражением принятой в той или иной культуре гендерной системы. В этом смысле быть мужчиной или женщиной есть не обладание определенными природными качествами, а выполнение той или иной социокультурной роли [21].

Гендерная адаптация включает в себя усвоение индивидом социокультурного опыта, определенных способов поведения и деятельности, присущих представителям того или другого пола; формирование полового самосознания (гендерной идентичности), проявляющегося в познании своего сходства и различий с представителями женского и мужского полов; эмоциональную оценку себя как представителя определенного пола; самоутверждение «Я» как представителя определенного пола в общении и деятельности [23].

Несоответствие в современном обществе системы разделения половых ролей культурно-историческим традициям ведет к противоречивости в становлении и проявлении социокультурного пола. В таких условиях его становление может идти в направлении большей адаптивности – формирования

андрогинности личности (проявления как женственных, так и мужественных качеств личности). С другой стороны, указанное выше несоответствие может привести к рассогласованию биологического и социокультурного пола (маскулинная женщина, фемининный мужчина), либо к недифференцированному социокультурному полу личности (отсутствию или недостаточности проявления субъектом качеств, соответствующих стереотипам как мужественности, так и женственности) [24].

В нашей монографии обосновывалось, что достижения высшего уровня социально-половой роли нежелательны. Излишняя женственность женщин характеризуется высокой тревожностью, низкой самооценкой и низкой социальной адаптацией. Вместе с тем у мужчин, если у них в подростковом возрасте сильное маскулинное начало позволяет лучше адаптироваться, в зрелом возрасте оно коррелирует с высокой тревожностью, высокой степенью невротичности и проблемами вприятии самого себя [27]. «Мужчины и женщины, у которых типичные социально-половые роли выражены сильнее, обладают сниженными интеллектуальными, духовными и творческими способностями» [28]. Вместе с тем понятия «мужское» и «женское» в культуре не является раз и навсегда зафиксированной данностью: «они достаточно подвижны, различаются в тех или иных социокультурных средах, а кроме того, эволюционируют в соответствии с историческими, социально-экономическими, политическими изменениями» [29], мужская идентичность не монолитна, ее компоненты часто рассогласованы и внутренне противоречивы, в периоды быстрых исторических перемен ряд авторов (Э. Бадэнтер, Д. Гилмор, Р. Коннелл и др.) начинают отмечать феминизацию мужчин, исчезновение «настоящей мужественности» [30]. И. С. Кон постулировал, что маскулинность, как и другие гендерные категории, не имеет однозначного определения. Причем в XX в. меняется даже порядок, описанный В. А. Геодакяном. Привычный гендерный порядок «ломают» женщины, социальное положение, деятельность, психика которых в настоящее время изменяется быстрее и радикальнее, чем мужская. Как отмечал И. С. Кон, при этом имеет значение не более широкая адаптивность женщин, а радикальность социальных изменений, осуществляемых прежде всего теми, кто в них заинтересован, т. е. угнетенными классами, в данном случае женщинами [30].

Таким образом, усвоенные гендерные роли могут основываться не только на традиционных представлениях о жесткой закреплённости поведения, психологических особенностей за представителями того или иного пола, но и на андрогинии – ситуации, когда гендерные роли становятся гибкими и позволяют людям женского и мужского пола вести себя в соответствии с индивидуальными особенностями, а не с гендерными предписаниями [26].

В результате проведенного эмпирического исследования, направленного на анализ гендерных особенностей социокультурной адаптации субъектов творческой деятельности в сфере изобразительного творчества с применением таких частных психологических методик: С. Бем, Л. И. Вассермана, Дж. Роттера, К. Роджерса и Р. Даймонда, А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина,

мы приходим к выводам, что творческим личностям обоих гендеров присущи признаки различных акцентуаций характера. Тех и других отличают эмоциональная неустойчивость, возможность асоциальных срывов, низкий уровень поведенческой регуляции, отсутствие адекватности самооценки и реального восприятия действительности. Обоим гендерам присущ низкий уровень коммуникативных способностей, склонность к проявлению агрессии и повышенной конфликтности. Те и другие не стремятся соблюдать общепринятые поведенческие нормы, не всегда умеют управлять поступками и контролировать свои действия. В свою очередь, сравнив полученные результаты мужчин и женщин по методике С. Бем, мы пришли к выводу: в связи с тем, что большой процент опрошенных мужчин и женщин совмещают в себе маскулинные и фемининные черты (в 83 % случаев у мужчин, 90 % случаев у женщин), гендерная идентичность творческой личности в сфере изобразительного творчества характеризуется взаимодополнительностью мужских и женских поведенческих ролей, что способствует таким проявлениям, как настойчивость, активность, воля в реализации задуманного, вместе с тем, чувствительность, эмоциональность, интуитивность и проч. Андрогинные личности имеют богатый набор полоролевого поведения и гибко используют поведенческие стратегии, свойственные в культуре обоим гендерным ролям, с учетом динамично изменяющихся социокультурных ситуаций [11, 3–7].

Библиографические ссылки

1. Шпак Л. Л. Социокультурная адаптация в советском обществе. Философско-социологические проблемы / Л. Л. Шпак. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1991.
2. Орлова Э. А. Введение в социальную и культурную антропологию. – М.: Изд-во МГИК, 1994.
3. Замай В. В. Возможности самореализации художника в условиях социокультурных изменений в современной России: Дис. канд. филос. наук. / В. В. Замай. – М., 2005.
4. Миславский Ю. А. Саморегуляция и творческая активность личности в юношеском возрасте. – М.: Педагогика, 1991.
5. Малакуцкая С. М. Социокультурная адаптация детей в условиях дополнительного художественного образования: Автореф. дис. канд. пед. наук / С. М. Малакуцкая. – М., 2004.
6. Луговая В. Ф. Креативность как компонент адаптационного потенциала личности (на мат-ле исслед. школьников мл. возраста): Автореф. дис. канд. псих. наук / В. Ф. Луговая. – СПб., 2005.
7. Завьялова Е. К. Социально-психологическая адаптация женщин в современных условиях: Профессионально-личностный аспект: Автореф. дис. д-ра. психол. наук. / Е. К. Завьялова. – СПб., 1998.
8. Налчаджян А. А. Социально-психологическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии) / А. А. Налчаджян. – Ереван: Изд-во А. Н. Арм. ССР, 1998.
9. Мертон Р. К. Социальная структура и аномия / Р. К. Мертон // Социологические исследования. – 1999. – № 3.

10. Ромм М. В. Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект / М. В. Ромм. – Новосибирск: Наука; Сибирская издательская фирма РАН, 2002.
11. Коноплева Н. А., Гаранина Е. Ю. Творческая личность в современном обществе. Гендерный и кросс-культурный аспекты: Монография. – Владивосток: Дальнаука, 2007.
12. Корель Л. В. Социология адаптаций: Этюды апологии / Л. В. Корель. – Новосибирск.
13. Дерманова И. Б. Типы социально-психологической адаптации и комплекс неполноценности / И. Б. Дерманова // Вестник СПбГУ. – 1996. – Сер. 6. – Вып. 1. – № 6.
14. Гишинский Я. И. Творчество: Норма или отклонение? / Я. И. Гишинский // Социол. исслед. – 1990. – № 2.
15. Богоявленская Д. Б. Психология творческих способностей. – М.: Академия, 2002.
16. Клеценко Н. И. Эстетическое творчество. – М.: Знание, 1984.
17. Гройсман. Личность. Творчество. Регуляция состояний: Руководство по театральной и паратеатральной психологии. – М.: ИЧП: Магистр, 1998.
18. Изард К. Е. Эмоции человека. – М.: Изд-во МГУ, 1980.
19. Ильин Е. П. Психология воли. – СПб.: Питер, 2000.
20. Гаджиева Р. Г. Динамика гендерных стереотипов и их влияние на профессиональную самореализацию личности: Автореф. дис. канд. псих. наук / Р. Г. Гаджиева. – М., 2000.
21. Репина Т. А. Проблема полоролевой социализации детей. – М.: МОДЭК, 2004.
22. Геодакян В. А. Эволюционная логика дифференциации полов и долголетие // Природа. – № 1. – 1983.
23. Легенина Т. Б. Гендерная социализация в современной российской семье: Социокультурный анализ: Дис. канд. соц. наук / Т. Б. Легенина. – Ставрополь, 2004.
24. Лопухова О. Г. Влияние этнокультурных традиций на становление психологического пола личности / О. Г. Лопухова // Вопросы психологии. – 2001. – № 5.
25. Шухова Н. А. Влияние гендерной идентичности на социально-психологическую адаптацию мужчин: Автореф. дис. канд. псих. наук / Н. А. Шухова. – Ярославль, 2004.
26. Клецина И. С. От психологии пола к гендерным исследованиям в психологии // Вопросы психологии. – 2003. – № 1.
27. Коноплева Н. А., Коноплев Е. Я. Художественное творчество и гендер. Культуролого-психологический аспект: Монография. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2001.
28. Штейнберг У. Круг внимания. – М., 1998.
29. Котовская М. Г. Социокультурные аспекты гендерных проблем в России: История и современность: Дис. докт. ист. наук / М. Г. Котовская. – М., 2005.
30. Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. – М.: Время, 2009.